

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

**ПОЛИЛИНГВАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО
РЕГИОНА (на примере
географических названий
Республики Калмыкия)***

Рассмотрены различные аспекты формирования топонимического пространства многонационального региона на примере Республики Калмыкия. Отмечены этапы становления топонимикона данной территории, изменения в нем под влиянием социальных факторов. Приведены примеры топонимов с ясной этимологией и трудные случаи поиска этимологических решений. Отмечено, что этнолингвальное многообразие географических названий региона нуждается в систематическом описании, которое может быть реализовано в виде топонимического словаря, создаваемого коллективом элистинских и волгоградских ономастологов.

Ключевые слова: *регион, топонимия, полилингвальность, многонациональность, этимология, Республика Калмыкия, топонимический словарь.*

Топонимическое пространство любого региона складывается в результате ономакративной деятельности проживающих на этой территории людей. Поведенческая (бихевиористская) география изучает «способы адаптации людей к физической и социальной среде, а также факторы, влияющие на взаимосвязи их мыслей и поступков» [5, с. 27], что сказывается на выборе номинативных тактик и стратегий осваивающих географическую территорию жителей. Профессор британского университета Оксфорд Брукс Дж. Голд, ссылаясь на

работы нью-йоркского психолога и психиатра Аристиды Эссера [23] и профессора Массачусетского университета в Амхерсте Барри Гринби [26], отмечает, что «территориальность передается через сформировавшиеся в процессе эволюции отделы коры головного мозга, ответственные за трансляцию унаследованных впечатлений, полученных в далеком прошлом» [5, с. 102]. Г.М. Ниязова, позаимствовавшая без ссылки и без кавычек эту мысль у Дж. Голда (сделав ошибку в фамилии второго ученого, процитированного Голдом), выделяет этнолингвоинформационное пространство, под которым понимает «особое единство информационных потоков (этнических, лингвистических), сформированных в ходе человеческой деятельности в определенном локусе» [16, с. 18]. Исследовательница считает, что в этом пространстве особо наглядно прослеживается информационная связь, соединяющая воедино человека – место (топоним и топообъект) – коммуникацию [Там же]. О территориальности как социальном и психологическом факторе развития личности упомянутые выше зарубежные ученые говорят также в своих других трудах [24; 26; 27].

Многонациональность региона налагает особые характеристики на процесс формирования и развития топонимии [12]. И.С. Карабулатова определяет, что изучение топонимии полиэтничного региона предполагает анализ порождения и взаимодействия элементов разных этнокультурных кодов [9]. Под регионом нами понимается обширная территория, выделенная по совокупности каких-либо взаимосвязанных признаков или явлений. Он может соответствовать таксономической единице в какой-либо системе территориального членения (в рамках России – субъект федерации: край, республика, область, город республиканского значения, автономная область, автономный округ), а может объединяться по каким-нибудь общим признакам, не связанным с административным делением [7, с. 72]. Ф.Д. Кожурин под регионом понимает определенную часть народнохозяйственного комплекса страны, отличающуюся географическими условиями и природно-ресурсной специализацией. Регионы являются относительно замкну-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00137 «Особенности ономастического пространства России (на примере Республики Калмыкия)».

тыми как в производственно-техническом, так и в экономическом отношении [13]. Дж. Голд определяет район в широком смысле «как некоторую часть земной поверхности, обладающую такими характеристиками или особенностями, которые отличают ее от других частей, выделенных подобным же образом» [5, с. 152]. Он отмечает: «Во-первых, не существует такого признака или набора признаков, которые делали бы выделение района в данных границах пригодным к любым обстоятельствам. Редко бывает так, что районирование, предпринятое с какой-либо одной целью, оказалось бы пригодным и для других нужд. Во-вторых, необходимо понять, что на самом деле районы представляют собой мысленные конструкты, а не реально существующие данности. Выделение районов – это средство познания пространства, а не открытие независимых от сознания “вещей в себе”» [Там же].

Этничность характеризуется тремя группами признаков: климато-географическими, антрополого-биологическим и социокультурными [3; 18; 6, с. 233–241]. Каждый из этих признаков выполняет этническую функцию, которая может интегрировать конкретного человека с тем или иным этносом или дифференцировать, отделять его от той или иной этнической системы [3; 21]. Среди социокультурных признаков ведущая роль принадлежит языку: он выполняет коммуникативную и фатическую (контактоустанавливающую) функции, через номинативную функцию отражается в топонимических единицах, с помощью деривации, интонации, порядка слов, эмотивных и пр. единиц реализует экспрессивную и аксиологическую функции, отражающиеся в онимах различных разрядов.

Этимология топонимов должна учитывать фактор полиэтничности населения, выявлять названия, относящиеся к разным языкам [11]. При этом следует помнить о специфике топонимической этимологии, которая может осложняться преобразованиями единиц ассоциативного, народно-этимологического и пр. характера, отражаясь на каждом этапе своего существования иным восприятием в лингвосознании.

Каждый топоним обязательно содержит в себе этнокультурную информацию, начиная с лингвальной соотнесенности, вхождения или невхождения в деривационные модели и т.п. Однако Е.Л. Березович обнаруживает «сложность извлечения этнокультурной информации» в связи «с неотработанностью процедуры перехода от собственно языкового уров-

ня к мировоззренческому» [2, с. 21]. По мнению М.Э. Рут, номинация тесно связана с антропоцентризмом человеческого мышления. Несмотря на включение топонимов в живую жизнь языка, на их народно-этимологические преобразования, на попытки осмысления новым населением предшествующих наименований, многие номинации могут сохранять свой «таинственный» облик, непонятный для новопоселенцев. «Среди субстратных топонимов практически отсутствуют основы, которые могли быть расценены как образные. Русская субстратная топонимия не обнаруживает или почти не обнаруживает образных этимонов языков-источников» [17, с. 51].

Топонимия полиэтничного региона должна рассматриваться как особая синкретичная система, вобравшая в себя различные по происхождению топонимы [1, с. 8]. Сложность определения формирования топонимического пространства Калмыкии связана с особой историей калмыцкого народа. Несмотря на то, что калмыки регулярно представлены на территории России с XVII в., их топонимическая история первоначально была нестабильной, фиксировались временные или относительно постоянные стоянки кочующих улусов и аймаков, важные для кочевой жизни урочища [20].

В 1635 г. калмыки объединяются в единое Джунгарское ханство. Группировка Хо-Урлюка вытеснила ногаев с левого берега Волги и распространилась по левому берегу от Астрахани до Самары. В 1644 г. калмыки перешли на правый берег Волги и поселились в Обдолье. В 1662 г. царь Алексей Михайлович разрешил калмыкам кочевать по обоим берегам Дона.

В 1758 г. Джунгария перестала существовать как самостоятельное государство. 30–40 тысяч калмыков спаслись бегством в Россию, где присоединились к соплеменникам, кочующим в Прикаспии и Поволжье. В начале 1771 г. 124 тысячи калмыков (из 169 тысяч) во главе с ханом Убаши покинули пределы Волги и отправились в Джунгарию. Около 100 тысяч человек погибло в пути. Калмыцкое ханство по указу императрицы Екатерины II было упразднено в октябре 1771 г., с 1800 по 1803 г. оно было восстановлено, но затем вторично ликвидировано. Для оставшихся калмыков территория была разделена на улусы. В 1788 г. Дербетовский улус был разделен на Большедербетовский (*Ик дөрвүд*) и Малодербетовский (*Бал дөрвүд*). Территория Малодербетовского улуса тянулась на несколько сот километров от реки Маныч на юге и поч-

ти до Царицына на севере. В 1892 г. из нее был выделен Манычский улус, граница которого с Малодербетовским проходила южнее реки Кегульта [20].

1 июля 1917 г. Временное правительство России по ходатайству состоявшегося 25 марта в Астрахани съезда представителей калмыцкого народа создало Степную область калмыцкого народа. В сентябре было создано Калмыцкое казачье войско. После Октябрьской революции 1917 г. и последующей Гражданской войны на территории, населенной калмыками, проходили бои. 10 июля 1919 г. В.И. Ленин подписал воззвание, которое гарантировало калмыцкому народу неприкосновенность его прав на равенство со всеми народами Советской России. Со 2 по 9 июля 1920 г. в поселке Чилгире (ныне в Яшкульском районе) прошел Первый общекалмыцкий съезд советов, который утвердил Декларацию прав трудового калмыцкого народа, провозглашающую создание Автономной области калмыцкого трудового народа. 2 ноября 1920 г. она была утверждена СНК РСФСР, а 4 ноября М.И. Калинин и В.И. Ленин подписали постановление об образовании Автономной области калмыцкого народа. Согласно постановлению ЦИК, в Калмыцкую автономную область входили Ремонтненский уезд (центр Ремонтное) и 8 улусов: Багацохуровский, Манычский (центр Элиста), Малодербетовский (центр Гундутово), Большедербетовский (центр Башанта), Икицохуровский (центр Яшкуль), Хашеутовский, Калмыцко-Базаринский (центр Калмыцкий Базар), Яндыко-Мочажный и Эркетеновский (центр Яндыки).

14 февраля 1923 г. прошла административно-территориальная реформа, по которой в Калмыкии утверждалось 8 улусов (Большедербетовский, Икицохуровский, Калмыцко-Базаринский, Малодербетовский, Манычский, Багацохуровский, Хошеутовский, Эркетеновский), Ремонтненский уезд, 41 аймак и 5 волостей (Киселёвская, Заветненская, Ремонтненская, Элистинская и Кормовская). В дальнейшем происходили изменения границ между Калмыкией и Ставропольской губернией: в 1925 г. к автономии были присоединены Немецко-Хагинская, Эсто-Хагинская и Яшалтинская волости [20].

В эти же годы начинается усиленная работа советских и партийных органов по организации постоянных поселений для проживания калмыков, по превращению кочевых хотонов в стационарные поселки. Весной 1924 г. на территории Калмыкии работала Поволжская

колониционно-мелиоративная экспедиция, которая подыскивала пригодные места для перевода кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни. Именно в эти годы были основаны многие калмыцкие поселки. Однако в целом переход к оседлой жизни растянулся на два предвоенных десятилетия.

В феврале 1933 г. Наркомзем РСФСР продолжил заниматься переходом кочующих хозяйств к оседлости, был составлен план оседания по годам второй пятилетки, по которому предполагалось, что будут созданы постоянные поселения для 12444 кочевых и полукочевых хозяйств. Пленум Калмыцкого обкома и облисполкома 14 июля 1933 г. принял постановление, в котором были выработаны конкретные мероприятия по реализации этого плана. Президиум облисполкома 13 августа 1933 г. рассмотрел вопрос о состоянии дел по оседанию кочевников в Центральном улусе. Было предложено местным властям немедленно организовать изготовление самана. В это же время проходило стихийное оседание населения в Сарпинском улусе, поселения были маленькими – от 4 до 12 хозяйств, только в Цаган-Нурском сельсовете в некоторых хотонах осело до 18 семей. Стимулирующим фактором для оседания стало колхозное и совхозное строительство: на центральных усадьбах колхозов и совхозов приобщение калмыков к оседлой жизни проходило более интенсивно.

В 1934 г. Калмыкия вошла в Сталинградский край. Тогда же был создан Черноземельский улус, выделенный из Центрального. Президиум Сталинградского краевого исполнительного комитета 14 августа 1934 г. принял решение о работе по оседанию в Калмыцкой области. Предполагалось, что эта работа будет завершена в ближайшие два-три года. По плану мероприятий на 1936 г. предусматривался переход на оседлость 300 хозяйств в пяти поселках Долбанского и Приволжского улусов. В 1930-е гг. возникают поселки, состоящие из 50–100 и более дворов: Цаган-Нур, Красносельское, Кетчинеры, Гашун-Бургушта, Кеке-Булук, Шарнуты, Ханата в Сарпинском районе, Улан-Хол, Цекерта в бывшем Эркетеновском улусе, Ницян, Джакуевка, Шамбай в Приволжском улусе и др. Существенно выросли в это время по числу жителей Багачоносы, Ленинск, Яшкуль (больничный городок). Однако вплоть до 1937 г. многие калмыки предпочитали жить в хотонах, особенно в теплое время года. Рядом с домами летом ставились кибитки, в которые перебиралась семья, ино-

гда около поселков встречались целые хотоны из нескольких кибиток.

20 октября 1935 г. была создана Калмыцкая АССР в составе РСФСР. Оседание кочующих и полукочующих хозяйств ускорилось по мере развития социальной инфраструктуры в поселках: создавались школы, избы-читальни или красные уголки, клубы, машинно-сенокосные станции, фермы, производственные мастерские, магазины потребкооперации. Во второй пятилетке к 1939 г. кочующее и полукочующее население Калмыкии в основном осело. С этого времени можно говорить о стабильном топонимиконе Калмыкии.

В годы Великой Отечественной войны немецко-румынские войска оккупировали пять улусов полностью и три частично. После освобождения территории от фашистов 27 декабря 1943 г. вышел указ ВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», территория Калмыкии была разделена между Ставропольским краем, Астраханской, Ростовской и Сталинградской областями. Многие поселки были переименованы, в т. ч. и бывшая столица Элиста стала городом Степным. 28 декабря вышло новое постановление «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР», по которому их отправляли в Сибирь и на Алтай. 28–29 декабря была проведена операция «Улусы»: 46 эшелонами было выселено 93 тысячи человек. Позже еще около пяти тысяч калмыков было выселено дополнительно [22]. После этого почти все калмыцкие топонимы были заменены на русские: частично путем калькирования, частью – подбором новых наименований.

17 марта 1956 г. калмыки были реабилитированы, им было разрешено вернуться на родину. 9 января 1957 г. был утвержден Указ Президиума ВС СССР о создании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края. 12 января 1957 г. Указом Президиума ВС РСФСР «Об административном составе Калмыцкой автономной области» были определены районы: Западный, Яшалтинский, Приютненский, Сарпинский, Приозёрный, Целинный, Каспийский, Яшкульский, Юстинский и Черноземельный. 11 февраля 1957 г. Калмыцкая автономия была включена в ст. 22 Конституции СССР. 25 декабря 1958 г. был восстановлен статус Калмыцкой АССР. Начался процесс восстановления калмыцкой топонимии. При этом не всегда соблюдалась преемственность, прежнее калмыцкое название могло даваться новому объекту.

Калмыцкий языковой пласт превалирует в топонимиконе республики. Некоторые названия легко этимологизируются, соотносясь со словами калмыцкого языка, этимология других вызывает затруднения:

БОЛЬШОЙ ГОК – река, протекающая на южной границе Городовиковского района. Берет начало у с. *Родыки* Ставропольского края, впадает через 62 км справа в реку *Большой Егорлык* у с. *Летник* Ростовской области. На ней расположены поселки Бага-Бурул и Большой Гок. Прилагательное *большой* добавлено в гидроним, поскольку южнее в Ставропольском крае протекает река *Малый Гок*, которая имеет тоже длину 62 км. У названия две не вполне убедительные этимологии. По первой, гидроним образован от калмыцкого слова *ho* ‘прямой’. Однако достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что прямых участков не так уж много у реки, особенно отличается зигзагами Малый Гок. Возможно, калмыцкое название *Ик Хо* представляет собой результат народной этимологии. Кроме того, река *Малый Гок* находится за пределами традиционных кочевий калмыков. Вторая этимология связывает гидроним с местным гидрографическим термином *хаки* ‘мелкие бессточные водоемы с соленой водой и грязями’, однако возникают проблемы объяснения фонетических преобразований.

БОСХАЧИ – поселок Октябрьского района, входит в состав Цаган-Нурского сельского поселения. Располагается в 2,7 км от Цаган-Нура, в 91 км от райцентра Большого Царына и в 180 км от Элисты. Неподалеку находится озеро *Сарна (Цаган-Нур)*. Основан в начале 1920-х гг. в рамках политики привлечения калмыков к оседлости. На довоенной карте отмечен как *Восхожа*, что, возможно, является искаженной записью топонима со слуха. Относился к Кетченеровскому улусу. После ликвидации калмыцкой автономии был передан в Астраханскую область. В 1957 г. возвращен в воссозданную Калмыкию, некоторое время назывался *Южный*. В 1967 г. включен в Октябрьский район. Сейчас здесь проживает 42 человека (2010 г.). Название происходит от калмыцкого глагола *босх* – ‘1) вставать; подниматься; начинаться; возникать; 2) восставать; поднимать мятеж’. Возможно, отражает какие-то события в истории местного населения.

БУГУ – поселок Приютненского района, входит в состав Нартинского сельского поселения. От него до Нарты – 8,5 км, до села Приютного – 33 км, до Элисты – 48 км. Находит-

ся на правом берегу реки Хара-Зуха. В XIX в. здесь располагался кочевой административный центр 2-го Ульдючинского аймака. Оседлый поселок появился в 1920-е гг. В конце 1980-х гг. в поселке проживало около 290 жителей, сейчас здесь живет 27 человек (2012 г.). Назван по урочищу, которое получило наименование от калмыцкого слова *буһу* 'женский браслет' – балки окружили урочище как браслет.

БУЛМУКТА – поселок Черноземельского района, входит в Прикумское сельское поселение. До Комсомольского – 31 км, до Адыка – 49 км, до райцентра Прикумского – 50 км к югу. Расположен на Черных землях. К северу протекает река Бургла. До депортации калмыков находился к югу от озера Кёк-Хаг. После возвращения в 1950-е гг. жители поселились на новом месте, но сохранили прежнее название поселка. В 1989 г. здесь проживало 150 человек, сейчас население составляет 69 человек. Предполагается, что название возникло в результате метафорического переноса калмыцкого названия национального блюда *булмг* 'мучная каша, приготовленная на сливках и молоке'. Окружающие прежнее место поселения солончаки после таяния снегов или после большого дождя были труднопроходимыми, напоминали по консистенции *булмук*.

Русские топонимы имеют разное происхождение: одни даны русскими (и украинскими) поселенцами [14; 15], другие представляют собой кальку с калмыцкого названия, третьи являются полукальками, в них переводится адъективная часть, а субстантив остается калмыцким: *Васильев, Троицкое, Большой Царын, Верхний Яшкуль*.

БЕЛООЗЁРСКИЙ – поселок Юстинского района, входит в состав Юстинского сельского поселения. Находится в 28 км к востоку от Юсты. Здесь проживает 129 человек. Название от гидронима *Белое озеро*. Возможно, является перенесенным, поскольку в окрестностях поселка озера с таким названием нет. До 1960-х гг. на юге Калмыкии существовало старинное поселение *Белое Озеро* (отмечается с 1808 г., в XIX в. – станица *Белозёрская*), названное по расположенному рядом озеру, ныне в тех местах имеется железнодорожная станция *Белое Озеро*. Озеро Цаган-Нур 'Белое озеро' имеется в системе Сарпинских озер, расположено к западу от Юсты.

В топонимии республики отразились ценности советского периода: *Комсомольский, Новая Жизнь, Октябрьский, Первомайский, Партизанский, Пролетарский*, «обнаружива-

ется стремление придать форме повышенное значение, что находится в связи с общим повышенным настроением и энтузиазмом эпохи» [10]. Появляются названия с определением *Красный* в значении 'советский', 'относящийся к революции': *Красный Маныч, Красный Партизан* (ср.: [1, с. 42–43]).

Среди топонимии региона встречаются немецкие и эстонские названия, поскольку ряд поселений были основаны или развиты представителями этих народов: *Розенталь, Эсто-Алтай*. Ранее они были отмечены в большем количестве: *Нейфельд, Рейнфельд, Шинбрун, Шинтер, Шинфельд, Розы Люксембург, Нем-Хагинка, Эсто-Хагинка*. В некоторых случаях можно увидеть в топонимах народно-этимологическое преобразование по звуковому сходству: нынешнее село Виноградное до Великой Отечественной войны называлось по-калмыцки *Шин-Тёрл* 'новые родственники', а по-немецки *Шёнваль* 'красивая долина'.

Все этнолингвальное многообразие географических названий региона нуждается в систематическом описании, которое может быть реализовано в виде топонимического словаря. Над таким словарем работает сейчас коллектив элистинских и волгоградских ономастологов.

Список литературы

1. Ахметова Б.З., Дускенова Д.О. Региональная социоллингвистика: на материале топонимии Костанайской области: моногр. Костанай: Изд-во КГУ им. А. Байтурсьнова, 2017.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
4. Геологический словарь: в 2 т. / Х.А. Арсланова, М.Н. Голубчина, А.Д. Искандерова [и др.]; под ред. К.Н. Паффенгольца. М.: Недра, 1978. 2-е изд., испр.
5. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / пер. с англ.; предисл. С.В. Федулова. М.: Прогресс, 1990.
6. Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.
7. Доронина Ф.Х. Современные подходы к определению понятия «регион» // Вестн. Моск. ун-та им. С.Ю. Витте. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 1(16). С. 72–76.
8. Карабулатова И.С. Ассоциативное поле восприятия субстратной топонимии // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 1999. Вып. 4. С. 16–224.
9. Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихоллингвистическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2002.

10. Карабулатова И.С. Динамика восприятия имени собственного: пространственно-временной аспект // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы. Волгоград, 2007. С. 86–91.
11. Кичикова Н.А. Топонимия Республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
12. Кичикова Н.А. Языковая отнесенность топонимов Республики Калмыкия // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2015. № 7(102). С. 123–128.
13. Кожурин Ф.Д. Совершенствование регионального управления. М.: Экономика, 1990.
14. Манджиева Э.Б. Топонимы Приютненского района Калмыкии как отражение толерантного взаимодействия народов // Сталинградская гвоздика: Города-побратимы – символ совместного наследия: сб. материалов Междунар. конф. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2015. С. 368–376.
15. Манджиева Э.Б. Влияние миграционных процессов на топонимию Калмыкии: русские названия пожелательного характера // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2015. № 7(102). С. 128–133.
16. Ниязова Г.М. Современное информационное пространство полиэтничного региона: этнолингвофункциональный подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008.
17. Рут М.Э. Информант и микропонимическая система (из полевых наблюдений за сбором микропонимии) // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / под ред. М.Э. Рут. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 49–53.
18. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
19. Супрун В.И. Топонимическое пространство Калмыкии как объект лексикографии // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 7(111). С. 97–105.
20. Супрун В.И. История калмыцкой топонимии: материалы к словарю // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2017. № 3(116). С. 94–100.
21. Сухарев А.В. Психологический этнофункциональный подход к психической адаптации человека: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998.
22. Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста, 1991.
23. Esser A.H. From Territorial Image to Cultural Environment // *Geloof en Wetenschap*. 1970. № 68. P. 89–98.
24. Esser A.H. Experiences of Crowding: Illustration of a Paradigm for Man-Environment Relations // *Representative Research in Social Psychology*. 1973. Vol. 4. P. 207–218.
25. Greenbie B.B. Social Territory, Community Health and Urban Planning // *Journal of the American Institute of Planners*. 1974. Vol. 40. P. 74–82.
26. Greenbie B.B. Design for Diversity: Planning for Natural Man in the Neo-Technic Environment: An Ethological Approach. Amsterdam: Elsevier, 1976.
27. Greenbie B.B. Spaces: Dimensions of the Human Landscape. New Haven: Yale University Press, 1981.

* * *

1. Ahmetova B.Z., Duskenova D.O. Regional'naja sociolingvistika: na materiale toponimii Kostanajskoj oblasti: monogr. Kostanaj: Izd-vo KGU im. A. Bajtursynova, 2017.

2. Berezovich E.L. Russkaja toponimija v jetnolingvisticheskom aspekte. Ekaterinburg, 2000.

3. Bromlej Ju.V. Oчерки teorii jetnosa. M.: Nauka, 1983.

4. Geologicheskij slovar': v 2 t. / H.A. Arslanova, M.N. Golubchina, A.D. Iskanderova [i dr.]; pod red. K.N. Paffengol'ca. M.: Nedra, 1978. 2-e izd., ispr.

5. Gold Dzh. Psihologija i geografija: Osnovy povedencheskoj geografii / per. s angl.; predisl. S.V. Fedulova. M.: Progress, 1990.

6. Gumil'jov L.N. Geografija jetnosa v istoricheskij period. L.: Nauka, 1990.

7. Doronina F.H. Sovremennye podhody k opredeleniju ponjatija «region» // *Vestn. Mosk. un-ta im. S.Ju. Vitte*. Ser.: Jekonomika i upravlenie. 2015. № 1(16). S. 72–76.

8. Karabulatova I.S. Associativnoe pole vosprijatija substratnoj toponimii // *Vestn. Tjum. gos. un-ta*. 1999. Vyp. 4. S. 16–224.

9. Karabulatova I.S. Russkaja toponimija v jetnopsiholingvisticheskom aspekte: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tver', 2002.

10. Karabulatova I.S. Dinamika vosprijatija imeni sobstvennogo: prostranstvenno-vremennoj aspekt // *Dinamika i funkcionirovanie russkogo jazyka: faktory i vektory*. Volgograd, 2007. S. 86–91.

11. Kichikova N.A. Toponimija Respubliki Kalmykii kak sostavnaja chast' onomasticheskogo prostranstva Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.

12. Kichikova N.A. Jazykovaja otnesenost' toponimov Respubliki Kalmykija // *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*. Ser.: Filologicheskie nauki. 2015. № 7(102). S. 123–128.

13. Kozhurin F.D. Sovershenstvovanie regional'nogo upravlenija. M.: Jekonomika, 1990.

14. Mandzhieva Je.B. Toponimy Prijutnenskogo rajona Kalmykii kak otrazhenie tolerantnogo vzaimodejstvija narodov // *Stalinskaja гвоздика: Goroda-pobratimy – simbol sovместnogo nasledija: sb. materialov Mezhdunar. konf.* Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I.L., 2015. S. 368–376.

15. Mandzhieva Je.B. Vlijanie migracionnyh processov na toponimiju Kalmykii: russkie nazvanija

pozhelatel'nogo haraktera // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2015. № 7(102). S. 128–133.

16. Nijazova G.M. Sovremennoe informacionnoe prostranstvo polijetnichnogo regiona: jetnolingvofunkcional'nyj podhod: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2008.

17. Rut M.Je. Informant i mikrotoponimicheskaja sistema (iz polevyh nabljudenij za sborom mikrotoponimii) // Onomastika i dialektnaja leksika: sb. nauch. tr. / pod red. M.Je. Rut. Ekaterinburg, 1999. Vyp. 3. S. 49–53.

18. Skvorcov N.G. Problema jetnichnosti v social'noj antropologii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996.

19. Suprun V.I. Toponimicheskoe prostranstvo Kalmykii kak ob'ekt leksikografii // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2016. № 7(111). S. 97–105.

20. Suprun V.I. Istorija kalmyckoj toponimii: materialy k slovarju // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2017. № 3(116). S. 94–100.

21. Suharev A.V. Psihologicheskij jetnofunkcional'nyj podhod k psihicheskoj adaptacii cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 1998.

22. Ubushaev V.B. Kalmyki: vyselenie i vozvrashhenie. Jelista, 1991.

Polylingual toponymy of multinational region (by the example of geographical names of the Republic of Kalmykia)

The article deals with various aspects of the toponymic space in the multinational region by the example of the Republic of Kalmykia. The stages of formation of toponymy of this area and the changes caused by social factors are under consideration. There are some examples of toponyms with clear etymologies and difficult cases of search for etymological solutions. It is noted that ethnolinguistic diversity of geographical names of the region needs to be systematically described; it can be implemented in the form of a toponymic dictionary which is being created by a team of Elista and Volgograd onomatologists.

Key words: *region, toponymy, polylinguality, multinational, etymology, Republic of Kalmykia, toponymic dictionary.*

(Статья поступила в редакцию 23.06.2017)

В.В. КУЗНЕЦОВА
(*Волгоград*)

КАТЕГОРИЯ ЭТОС В СТРУКТУРЕ РИТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

Рассматривается понятие риторического портрета языковой личности. Сопоставлены понятия «риторический портрет» и «образ ратора». Представлен анализ одного из компонентов структуры риторического портрета – категории этоса. Выделены средства языковой репрезентации этоса.

Ключевые слова: *риторический портрет, образ ратора, ключевые риторические категории, этос, языковая репрезентация этоса.*

Антропологическая парадигма и междисциплинарный характер лингвистических исследований последних десятилетий объясняют актуальность анализа коммуникативного поведения языковой личности с позиции риторики. Целью настоящей статьи является анализ категории этоса в структуре риторического портрета языковой личности.

Риторические портреты политических деятелей уже становились объектами внимания таких ученых, как И.Ю. Чистякова [16], О.Н. Паршина [11], А.С. Калинина [6]. Исследователями были представлены риторические портреты политических деятелей первой половины XX в., а также современных политиков В.В. Путина, А.Б. Чубайса.

В рассмотренных нами работах риторический портрет представляет анализ:

- категории этоса (выделение жанровой, стилистической и содержательной сторон высказываний политиков) [16, с. 235–395];
- риторической грамотности политиков, показателем которой является умелое использование тактик диалоговых, аргументативных и риторических стратегий, а также выразительных средств [6, с. 72–78; 11].

На наш взгляд, разработка риторических портретов речедеятелей требует уточнения данного понятия. В качестве рабочего определения мы предлагаем следующую дефиницию: риторический портрет – это результат систематического анализа языкового воплощения ключевых риторических категорий этоса, пафоса и логоса. Риторическое портретирование как метод исследования будет направлено на выявление в высказывании говоряще-